НОВАЯ ГАЗЕТА

РЕПОРТАЖИ • ОБЩЕСТВО

Черты умирающего моря

Как уходит Каспий. Репортаж из России, Казахстана и Азербайджана

Заброшенный сухогруз. Крайновка. Фото: Кедр*

09:00, 14 июля 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН И РАСПРОСТРАНЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ «КЕДР.МЕДИА» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА «КЕДР.МЕДИА». 18+

Этот материал мы публикуем совместно с экологическим изданием «Кедр»*.

Жителей каспийского побережья объединяет одна черта: они то и дело указывают руками вдаль — туда, где когда-то плескались морские волны. Сегодня «там» — порой на сотни метров — простираются лишь голые камни, высохшая земля, поросль камыша и брошенные рыбацкие лодки.

Каспийское море стремительно мелеет. Его уровень уже достиг исторического минимума: за последние 30 лет Каспий стал меньше на 24 000 км2 — это сопоставимо с размерами Сицилии. По некоторым прогнозам, к концу века море может потерять около трети своей поверхности.

На каспийских берегах проживает около 15 млн человек в пяти странах — России, Казахстане, Азербайджане, Иране и Туркменистане. Единого мнения о том, что происходит с морем, нет ни у жителей, ни у руководства государств. Пока одни призывают предотвратить надвигающуюся экологическую катастрофу, другие объясняют происходящее загадочным

«дыханием» Каспия: ведь он и раньше отступал, но неизменно восстанавливался.

Корреспондент «Кедра»* объехала прикаспийские территории России, Казахстана и Азербайджана, чтобы разобраться, что происходит с морем, как изменилась жизнь на его берегах и можно ли остановить его обмеление.

«Раньше всё это было под водой»

— Перед приездом сначала лучше узнавать, есть ли у нас вода, — говорит таксист в Актау. — Проблемы здесь постоянные. Бывает, новые районы неделями сидят без воды.

Актау считается одной из туристических жемчужин Казахстана, хотя строился совсем не как курорт. В 1956 году, в разгар холодной войны, на полуостров Мангышлак прибыла советская экспедиция, перед которой стояла задача найти уран. Вместе с ним геологи обнаружили нефть и редкоземельные металлы. Власти решили осваивать богатые месторождения и в 1963 году заложили город Шевченко (теперь Актау), а вместе с ним — крупнейший морской порт Казахстана. Единственной серьезной проблемой оставалось отсутствие источников пресной воды.

Выход нашли с помощью атомного реактора: он опреснял морскую воду и одновременно использовал ее для собственного охлаждения. Реактор проработал 25 лет, а после его отключения опреснением занялся Мангистауский атомно-энергетический комбинат. Система работала безотказно — пока море не начало отступать.

Кирилл Осин. Фото: Марина Сычева

— Уровень моря снижается, и воды для забора становится меньше, — объясняет эколог и руководитель организации «Эко Мангистау» Кирилл Осин. Он показывает на залитую солнцем землю у водозаборного канала, ведущего на комбинат. Между оголенных камней бывшего дна пробиваются пучки травы. — Раньше всё это было под водой. В детстве мы с отцом приезжали сюда рыбачить.

> На ржавой табличке, установленной, по видимости, еще в 90-е, указано: до моря — 35 метров. Сегодня чтобы добраться до воды, нужно пройти около трехсот. Вдали, на берегу, оранжевый экскаватор углубляет дно, чтобы город не остался без водоснабжения.

Летом 2023-го из-за обмеления Каспия в Актау два месяца действовал режим ЧС — его ввели для проведения проектно-изыскательных работ, чтобы адаптировать городскую инфраструктуру к новым реалиям. Но море уходит всё дальше и дальше. Решить проблему с водоснабжением власти обещают к 2028 году, серьезно модернизировав инфраструктуру и по забору воды, и по ее опреснению.

Старые микрорайоны Актау будто вырезаны из белого камня. Близость моря определила не только расположение города, но и его облик. Строительные материалы на Мангышлак доставлять было дорого, поэтому дома возводили из местного ракушечника. Когда-то его добывали со дна моря. Теперь он обнажается сам.

Дноуглубительные работы рядом с пирсом в Актау. Фото: Марина Сычева

Вместе с известняком на поверхность проступают и опасные вещества.

— На дне моря скапливаются загрязнения от добычи нефти, коммунально-бытовых стоков и соли, — рассказывает основатель международного движения Save the Caspian sea Вадим Ни. — Всё это превращается в пыль, которую ветер разносит на большие расстояния. Люди ею дышат и болеют. Обмеление Каспия создает угрозу пыльных бурь по всему Казахстану.

В 2024 году густые тучи соленой белой пыли с бывшего морского дна накрыли город Атырау. Пыль проникала в легкие и кровеносные сосуды людей, вызывая кашель и раздражение слизистых. Через год в городе прошел соленый дождь: вода оставляла белые пятна на одежде, деревьях и окнах. Экологи предупреждают: из-за обмеления моря регион стремительно движется к опустыниванию, и экстремальные явления будут происходить всё чаще.

«Остается копать и копать»

Большие камни близ набережной Актау похожи на школьников: светлый верх, темный низ. Серая полоса между двумя цветами напоминает о прежнем уровне моря.

— В детстве мы прыгали с этих камней прямо в воду, — вспоминает Кирилл Осин. — Еще в 2019 году вода доходила до них, а теперь ушла. Северный Каспий очень мелководный: средняя глубина здесь всего четыре-восемь метров. Поэтому Казахстан и Россия ощущают обмеление особенно остро.

О прыжках с этих камней в Актау вспоминают многие. Теперь морские породы образуют скальную тропу — одну из городских достопримечательностей. Ее открыли в 2018 году к Каспийскому саммиту, на котором президенты пяти стран поделили акваторию моря на суверенные зоны. Проблема обмеления на саммите не обсуждалась.

Из-за обмеления камни в Актау выходят на поверхность. Фото: Марина Сычева

Многие горожане считают, что Каспий способен «дышать», и указывают на те же камни. Помимо серых полос, на них выбиты даты — 1975, 1980. Эти отметки — память о времени, когда море уже отступало и скалы так же оставались оголенными. Экскурсовод краеведческого музея Даурбек убежден: море еще вернется.

> — Каспий «дышит». Только в XX веке он отступал и возвращался три раза. Мы говорим: «Море ушло, но обещало вернуться». Поэтому, хотя многие сегодня бьют тревогу, я считаю, что нынешнее обмеление — временное.

— Каспий «дышит». Только в XX веке он отступал и возвращался три раза. Мы говорим: «Море ушло, но обещало вернуться».

Поэтому, хотя многие сегодня бьют тревогу, я считаю, что нынешнее обмеление — временное.

Даурбек в своих чаяниях не одинок. Горожане действительно надеются на очередной «выдох» моря.

— Можно согласиться, что эти колебания — циклический процесс, который сложно объяснить, но есть и более закономерные вещи, — утверждает Кирилл Осин. — Каспий наполняют 130 рек, две главные — Урал и Волга. Последняя несет около 80% стока. Но, к сожалению, сегодня она полностью зарегулирована десятками водохранилищ и ГЭС. Второй фактор — изменение климата. Вода задерживается в реках и не поступает в море в достаточном объеме, а испаряется всё быстрее. В результате мы получаем то, что происходит сегодня.

Свою уверенность Осин объясняет событиями 2024 года, когда из-за сильных паводков водохранилища на Урале увеличили объемы сброса, и уровень северо-восточной части Каспия временно поднялся почти на метр. Тот эффект оказался недолгим.

Верблюд в Актау. Фото: Марина Сычева

По мнению Осина, существенно повлиять на уровень Каспийского моря способен только сток Волги. Этой же точки зрения придерживается казахстанский блогер-путешественник Азамат Сарсенбаев, который объехал всю великую реку:

— Версия о цикличности — популярная. Но я своими глазами видел, сколько воды остается в водохранилищах. Чего стоит одно только Куйбышевское: огромная затопленная долина между горами. Когда говорят, что нынешняя ситуация похожа на прошлые, еще советские, и море снова вернется, хочется возразить: сегодня совсем другой уровень потребления воды. Ее гораздо больше забирают промышленность и сельское хозяйство. Нужно перестать бездумно расходовать этот ресурс и заняться оздоровлением хотя бы двух главных рек — Волги и Урала. Иначе мы потеряем Каспий, а вместе с ним и Актау.

> На городском пляже № 1 стоит тяжелый запах

> гниющих водорослей. Берег покрыт вязким илом, а каменистое дно у самой воды превратилось в серую песчаную крошку.

Экскаватор заезжает прямо в море и ковшом углубляет судоходный канал. Соседний пирс закрыт: лодки и небольшие суда не могут выйти в море.

Алексей Оськин из яхт-клуба «Бриз» рассказывает, что судовладельцам приходится самостоятельно углублять дно:

— В прошлом году мы прокопали канал, чтобы можно было спустить яхты краном. Удлинять пирс уже бессмысленно: от его края еще почти сотню метров глубина остается по колено. Ждем, когда государство начнет выделять деньги на такие работы, а пока всё делаем за свой счет. Спасибо, что нас хотя бы не гонят.

Алексей говорит, что не уверен, сможет ли в этом году выйти в море. В прошлом сел на мель, и погрузчик вытаскивал его на буксире.

— Удержать происходящее уже невозможно. Остается надеяться, что когда площадь моря уменьшится, испарение тоже сократится, и система сама придет в равновесие. А пока остается только копать и копать, — заключает он.

Жители Актау на набережной. Фото: Марина Сычева

Из-за обмеления морское дно всё чаще цепляют и танкеры в порту Актау. Их загрузка уже снизилась на 20%. Власти Казахстана признают: дноуглубительные работы дают лишь временный эффект. Экосистема Каспия деградирует быстрее, чем инфраструктура успевает приспосабливаться к новым условиям. Под угрозой оказывается вся морская логистика страны.

Скальная тропа вдоль берега окружена зарослями камыша. Это любимое место для прогулок горожан и туристов. Ажар, жительница Актау, искренне радуется нашему интересу и с надеждой спрашивает:

— А вы поможете нам спасти море?.. Оно у нас единственное, в городе ведь больше ничего и нет.

Местные рассказывают, что состоянием Каспия интересовались специалисты из Германии и Франции, а вот северные соседи

пока проявляют куда меньше внимания.

— Я уже видел, как море уходило и возвращалось, — рассуждает житель Актау Роман. — Но если задуматься… Может, России стоит пропускать больше воды? Нельзя же так сильно переполнять водохранилища. Волга ваша, с этим никто не спорит. Но Каспийское море — наше общее.

Тысяча и одна причина

В вопросе о причинах обмеления моря расходятся даже главы прикаспийских государств.

Выступая в 2025 году на Генассамблее ООН, президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев назвал падение уровня Каспия «глобальным сигналом тревоги». В качестве основной причины происходящего он назвал изменение климата.

Президент Азербайджана Ильхам Алиев публично с этой оценкой не согласился, хотя собственной версии не предложил. Годом ранее на встрече с Владимиром Путиным в Баку Алиев показал российскому президенту скалы, которые всего двумя годами ранее скрывались под водой.

— И это мы наблюдаем по всему побережью, — заметил он.

Был ли это намек на роль России в каспийском кризисе — можно лишь предполагать. Во всяком случае, представители азербайджанской стороны неоднократно увязывали обмеление моря с волжскими водохранилищами.

Набережная в Баку. Фото: Марина Сычева

Баку — единственная столица Прикаспия, расположенная прямо на берегу моря. С набережной открывается вид на синие небоскребы, зеленые аллеи и яркую каспийскую гладь. Но стоит перегнуться через перила, как вспоминается старое название исторического центра — Черный город. На поверхности воды, медленно расширяясь и постепенно растворяясь, плавают многочисленные радужные пятна. Груды прибрежных камней окрашены в черный цвет — это наследие нефтяного бума.

— За полтора века добычи нефти земля здесь буквально пропиталась ею, — объясняет азербайджанский блогер Рустам Набизаде. — Даже если добыча полностью прекратится, мазут и нефтепродукты еще долгие годы будут смываться в море.

Рустам вырос в азербайджанской столице и объехал почти всю страну, рассказывая в своем блоге о природе и экологических проблемах. По его словам, Каспий всегда был для Баку главным источником благополучия благодаря нефти, газу и другим

полезным ископаемым. Поэтому обмеление моря здесь воспринимают особенно болезненно, хотя его последствия пока заметны гораздо меньше, чем в Казахстане.

— В среднем вода отступила на 5–10 метров, — поясняет Рустам. — Все-таки здесь глубоководная часть моря. Но это не значит, что переживать не о чем — есть вещи, которые зависят от нас. Прежде всего — состояние рек, питающих Каспий. Здесь все страны должны сотрудничать, потому что проблема у нас общая.

Рустам Набизаде. Фото: Марина Сычева

На набережной усиливается ветер. Рустам рассказывает, что для азербайджанского побережья Каспия резкая смена погоды — обычное явление, как и землетрясения. Только за апрель 2026 года здесь зафиксировали более двадцати подземных толчков. Поэтому азербайджанские ученые рассматривают геодинамические процессы как одну из возможных причин

обмеления моря.

Попытки найти альтернативное объяснение снижению уровня Каспия предпринимались и раньше. В XX веке существовала гипотеза, что море мелеет из-за залива Кара-Богаз-Гол в Туркменистане. Его уровень примерно на три метра ниже уровня Каспия. Морская вода в больших объемах перетекала в залив и испарялась. Чтобы остановить этот процесс, в 1980 году Кара-Богаз-Гол отделили дамбой. Каспию это не помогло, зато в Туркменистане начались соляные бури. В 1992 году дамбу взорвали.

> Сами власти Туркменистана связывают обмеление Каспийского моря с изменением климата и зарегулированностью стока Волги.

Такой же точки зрения придерживаются глава Агентства по охране окружающей среды Ирана Али Саладжехе и руководитель Save the Caspian Sea Вадим Ни:

— Основным источником, питающим море, является Волга, и от режима выпадения осадков на ней зависят его колебания.

В августе 2024 года, после встречи с президентом Азербайджана, Владимир Путин поручил главе Астраханской области Игорю Бабушкину срочно заняться проблемой обмеления Каспия. Однако позже он заявил, что не уверен, способны ли прикаспийские государства повлиять на ситуацию, поскольку «природа — это мощная система».

О причинах обмеления Путин не высказывался, хотя Россию оно затрагивает в полной мере.

Пристань города Баку. Фото: Марина Сычева

«Море вернется, но уже не при нашей жизни»

Село Крайновка в Кизлярском районе Дагестана считается зажиточным. На шести улицах — несколько магазинов, школа, почта, кафе и база отдыха, куда ради Каспийского моря приезжают туристы из ближайших городов. По соседству стоят мечеть и православная церковь. Одни опоры линий электропередачи окрашены в цвета российского триколора, другие — в бело-зелено-синие цвета флага Дагестана.

Местные вспоминают, что в советские времена в селе был рыболовецкий колхоз, куда на заработки приезжали люди со всей страны.

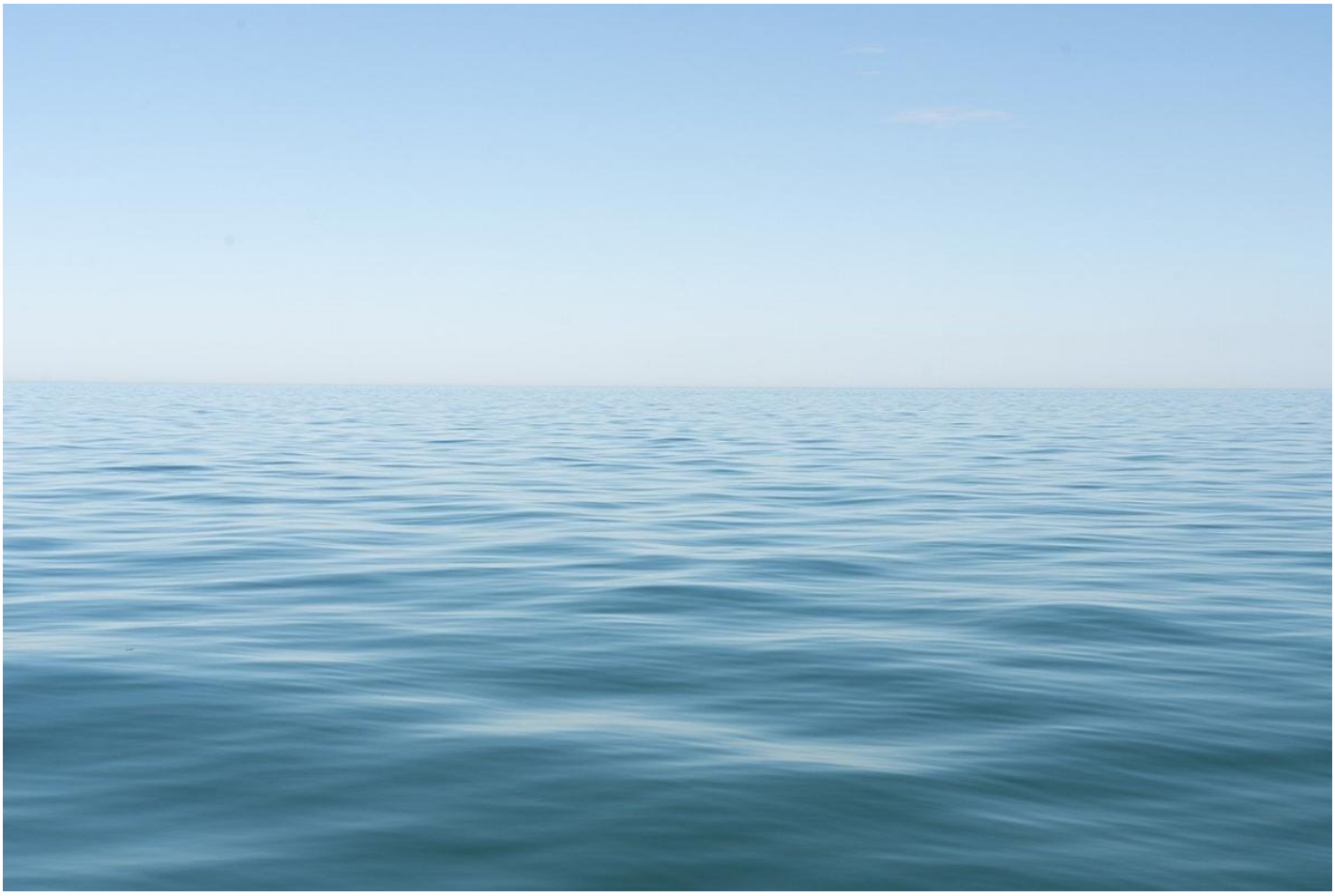
Некоторые из местных жителей выпускают скот пастись на беергу. Крайновка. Фото: Кедр

— В этом колхозе работал мой отец, меня еще ребенком брал с собой в море, — вспоминает житель Крайновки Петр Петрович. — Помню: идешь на лодке, а рядом выпрыгивают осетры и севрюги. Красота… Потом и сам стал рыбаком. Молодежи тогда было много, почти все жили морем. А сейчас не осталось ни-че-го.

Колхоза давно нет. Сам Петр Петрович уже на пенсии. Ходит медленно, тяжело вздыхает и повторяет: «Эх, море, море… Все здоровье отняло».

— Рыбу мы в основном сетями ловили, — вспоминает старожил. — На рассвете выходишь в море, вода ледяная. Целый день выпутываешь рыбу, лодку качает на волнах, брызги летят. Возвращаешься — руки и ноги окоченели, сам продрог до костей. Работа трудная. Но я свое еще успел отловить. Сейчас это уже не рыбалка, а одно мучение. Рыбы мало, молодежь уезжает. Да и лодку лишний раз к морю тащить не хочется — за

двадцать лет оно слишком далеко ушло. А я теперь сижу на пенсии без здоровья. Все это уже не моя забота.

Каспийское море. Махачкала. Фото: Кедр

Житель Крайновки Курбан — загорелый мужчина с густыми бровями и ртом, полным золотых зубов, — когда-то работал на рыбокомбинате, куда поступал улов местного колхоза. Он останавливается у невысоких домов с темными крышами и говорит:

— Вот здесь, прямо рядом, было море.

Теперь до воды около двухсот метров.

Пока мы идем по бывшему берегу, Курбан успевает рассказать почти всю свою жизнь. После окончания политехнического института он с отличием получил специальность технолога, отслужил в армии, а в 1978 году устроился мастером на рыбокомбинат.

— В Крайновке тогда все были связаны с рыбой, — говорит он.

Позже Курбан стал начальником цеха. Он вспоминает, как комбинат отправлял продукцию по всему Советскому союзу, и вдруг останавливается.

Далеко в сторону моря тянется полоса старых деревянных свай, опутанных остатками сетей.

— Я этого раньше не видел… Получается, море еще дальше ушло? — удивляется он.

Двор рыбокомбината. Фото: Кедр

Курбан вспоминает, что в начале 90-х во время подъема воды Каспий затопил несколько цехов рыбокомбината и дома в соседнем поселке с необычным названием — Судоремонтная техническая станция. Его жителей переселили, выплатив компенсации. А воспоминания о том, как море «вернулось»,

хоть и затуманились со временем, но все еще живы.

Именно поэтому Курбан не спешит закрывать свое небольшое рыбопромышленное предприятие. Он открыл его в 2003 году, но с тех пор промысел сильно изменился — рыбы стало меньше и из-за нефтяных загрязнений, и из-за аграрных стоков с полей и сливов городских канализаций, и из-за климатического кризиса, а еще — из-за того, что падение уровня Каспия приводит к обмелению нерестилищ.

— Раньше у меня было 22 бригады, теперь осталось три. Все разъехались. Когда-то частникам выдавали лицензии на все виды, а теперь на каждый устанавливают квоты по килограммам, — говорит Курбан и ненадолго замолкает. — Недавно приезжали ученые из Астрахани и говорили, что это цикл. Мы на это надеемся, потому что другого заработка здесь нет. Наш берег живет рыбой. Что такое Крайновка без моря? Ничто.

> У берега над песком возвышается трехметровый корабль, который местные называют «тихоходом». Когда-то он полностью был под водой.

— Раньше море было вон там, метрах в двухстах отсюда, где сейчас стоит знак «Купаться запрещено», — говорит мне парень средних лет, представляющийся Абибулой. Показывает рукой в сторону Крайновки.

Десятки людей у берега раздеваются и заходят в море. Проходят десять метров, тридцать, но вода доходит только до колен. Берег уже зарос кустарником, который местные называют «лоховником». Помимо старых брошенных сетей вижу у кромки

воды еще несколько маленьких тюленьих тел — мертвых эндемиков Каспия.

Берег Каспийского моря. Махачкала. Фото: Кедр

— Море уже проявляет черты умирающего. Изменения в биоразнообразии — это первый этап, — отмечает Вадим Ни. — Мы практически потеряли осетровых, массово гибнут тюлени. Основу уловов теперь составляют не аборигенные, а интродуцированные виды, например, кефаль, завезенная из Черного моря.

В последние годы на побережье Дагестана регулярно находят сотни, а иногда и тысячи мертвых тюленей. Причины их массовой гибели называют разные: от браконьерства и дефицита кислорода до загрязнения моря нефтепродуктами. По мнению эколога из Дагестана, с которым поговорил «Кедр», сокращению популяции способствует и изменение климата: лед в Северном Каспии, где размножаются тюлени, постепенно

исчезает.

— Изменение видового состава лишь отчасти связано с обмелением, — полагает эколог. — Не меньшую роль играют инвазивные виды — например, гребневик, попавший в Каспий из Черного моря. Добавьте к этому масштабное браконьерство. Почти весь Северный Каспий поделен на рыболовные участки. Даже если популяция, например, кильки начинает восстанавливаться, ее сразу же снова вылавливают. Хотя для устойчивого восстановления нужно не меньше десяти лет. Поэтому сотрудничество всех прикаспийских стран здесь принципиально важно: если не одна сторона, то другая продолжает истощать море.

Тело тюленя, почерневшее от солнечного света. Крайновка. Фото: Кедр

Рыбзавод в селе Коллективизатор работает до сих пор. За комплексом прямоугольных белых зданий, по периметру которых разбросаны лодки, расположена «бухта» — так

местный сотрудник Магомед называет окруженный бетонными плитами 50-метровый водоем. По его словам, раньше сюда из моря заходили байдарки с уловом, но теперь за «бухтой» на сотни метров простирается обнажившееся дно.

— Сейчас здесь хоть танцплощадку открывай, — шутит Магомед и добавляет уже серьезно: — Скоро будем на остров Чечень, до которого 18 километров, пешком ходить.

Некогда крупный завод, работавший в три смены, сегодня обслуживают всего три человека. Чтобы выйти на чистую воду и добраться до рыбы, приходится преодолевать 10 километров, застревая на мелководье и вытаскивая технику тракторами. Из-за этого резко вырос расход бензина, а уловы упали — каналы заилены и не чистятся.

— Всё обещают, обещают… Когда-нибудь море вернется, но уже не при нашей жизни, — печально признает Магомед.

Дом за забором рыбокомбината. Фото: Кедр

«Весь Северный Каспий может исчезнуть»

Над скалами махачкалинского пляжа «Лунный берег» грохочет железная дорога, проходящая вдоль всего городского побережья. Раньше пути защищали от волн бетонные плиты, но теперь они заброшены — море отступило от скал на 50 метров.

По берегу ходят люди с мешками, собирая пластик и окурки. Среди них — Атилла из Дербента. Руками в черных перчатках он быстро заполняет один пакет за другим и эмоционально объясняет, что собирает мусор по всему побережью Дагестана, потому что просто не может спокойно смотреть, как «болеет море».

— Обидно, что такой красивый регион утопает в грязи. Но сейчас повсюду мусор, и вода постоянно уходит. А я не хочу, чтобы Каспийское море исчезло. В этом, конечно, ученые должны разбираться, а мы делаем, что можем, — кивает на заполненные мешки Атилла.

> Несмотря на жару, люди в море не заходят и, чтобы понять, почему, советуют пройти до микрорайона Редукторный. Там находится местная «достопримечательность» — открытый канализационный сток, из-за которого по округе разносится резкий запах фекалий.

Зловонная жидкость бьет из трубы и длинным шлейфом впадает прямо в море.

Местная жительница Роза рассказывает, что из-за проблем с

сердцем каждый день приходит на берег ради морского воздуха, но из-за близости «вонючки» всё лечение идет насмарку. Рядом у зловонного ручья останавливаются две девочки. «За миллион залезла бы туда?» — спрашивает одна. Другая морщится: «Нет, но за 10 миллионов искупалась бы».

— Люди приезжают со всей России и удивляются, что на море приехали, а купаться где? — возмущается Роза. — Мы советуем ехать на дальние пляжи, но это же неудобно. Море под боком, туризм развиваем, а зайти в воду нельзя.

Волонтер, собирающая на берегу мусор. Махачкала. Фото: Кедр

Подобные сливы для Махачкалы — обычное дело. Около 70% канализационных стоков Дагестана попадает напрямую в Каспийское море. Всё дело в перенаселенности и отсутствии нормальной системы водоотведения: износ коллекторов и насосных станций в регионе достигает 85%. Роспотребнадзор еще с 2020 года полностью запретил купание в Махачкале и

Каспийске. Впрочем, рыбачащий у зловонного канала местный житель Адам на тему канализации реагирует вяло, зато об обмелении Каспия рассуждает охотно.

— Запах, конечно, мешает, но, сколько себя помню, здесь всегда так было. К тому же рыба как будто только в этом месте и ловится, — с улыбкой объясняет Адам. — На своем веку я уже во второй раз вижу спад моря, может, это естественный процесс? Но сейчас вода уходит пугающе быстро. Еще четыре года назад она доходила до камней в двадцати метрах позади нас. Может, с этим и можно что-то сделать, но кто знает, что именно?

Надписи на прибрежных камнях. Махачкала. Фото: Кедр

По мнению Вадима Ни, решить проблему обмеления Каспия можно только сообща.

— Режим осадков изменился, но они не исчезли. Мы можем собирать паводковую воду и направлять ее в Каспий с помощью

плотин и гидроузлов — так же, как спасали Малый Арал. Но усилий одной страны мало. Нужно договориться о критической отметке падения уровня моря и, исходя из этого, планировать сток Волги и других рек. И важно объяснять ситуацию людям. Позиция «авось рассосется» ошибочна. Не рассосется — мы знаем это по Аралу.

Трагедия Аральского моря, за полвека потерявшего 90% своего объема, будоражит на Каспии многих.

Дагестанский эколог, с которым поговорил «Кедр», считает, что Каспий не повторит судьбу Аральского моря из-за несопоставимых масштабов — его глубина достигает 1000 метров против 70 у Арала. Но вот угроза для северной части моря реальна.

> — Море не высохнет, но если падение продолжится, весь Северный Каспий может исчезнуть, — отмечает он. — Потепление климата не остановить, но ввести рациональное водопользование в Каспийском бассейне можно.

Брошенная на берегу лодка. Фото: Кедр

Ученым же нужно понять, с чем мы имеем дело: естественный это цикл или нет? Нам необходимо изучать последствия, чтобы спрогнозировать изменения и строить планы.

На 30-й год обмеления нет ни консенсусного понимания причин происходящего с Каспием, ни общей стратегии по его спасению.

В июне 2025 года в дагестанском Каспийске открылся музей, посвященный морю. На одной из экспозиций фотографии счастливой семьи на фоне Каспия чередуются с кадрами безжизненных солончаков. Подпись гласит: «Это не катастрофа и не миф. Это — ритм. Море уходит, оставляя нас наедине с вопросами. Когда оно вернется? И что останется от нас, когда оно придет снова?»

Но придет ли оно? И что останется, если не придет?

Экологическое издание «Кедр», Анна Садовина

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов».